

МУРЗИЛКА 11

7 НОЯБРЯ

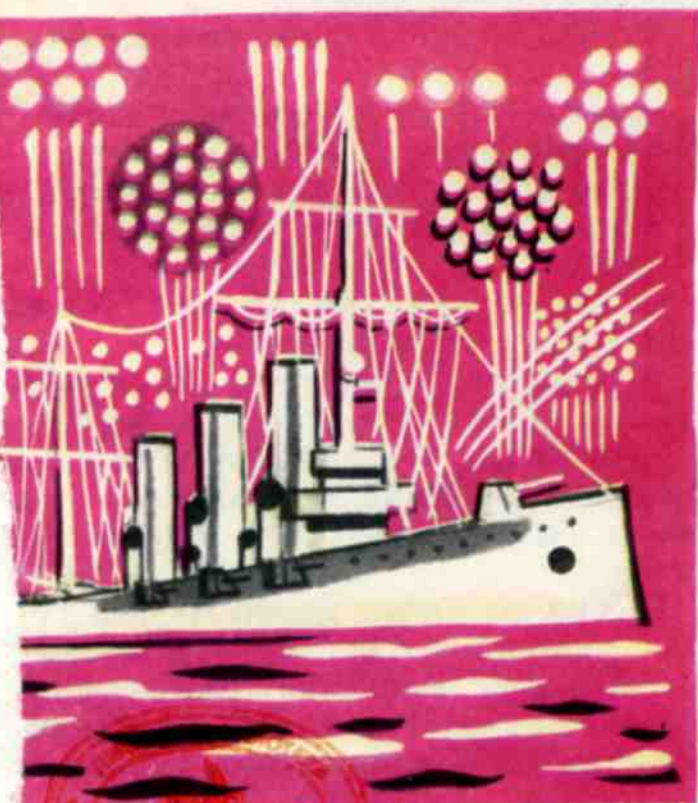

*С праздником
Великого Октября,
наши дорогие
читатели!*

**67-я ГОДОВЩИНА
ВЕЛИКОЙ
ОКтябрьской
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

КАПЕЛЬКА СОЛНЦА

Стихи

Владимира СТЕПАНОВА

Музыка Г. СТРУВЕ

Ломается льдинок хрустящая кромка,
Весенний волнуется сквер.
Вчера ещё только я был октябрёнком,
Сегодня уже пионер.

ПРИПЕВ:

Горит у меня пионерский значок,
Он капелька солнца,
Весеннего солнца,
Которое Ленин зажжёт.

Сегодня все птицы на улице нашей
Особенно звонко поют
И крыльями в небе мне радостно машут,
Как будто салют отдают.

ПРИПЕВ.

Открыты мне Южный и Северный полюс,
Зовёт меня звёздная высь.
Сегодня уже я чуть-чуть комсомолец,
А значит, чуть-чуть коммунист.

ПРИПЕВ:

Горит у меня пионерский значок,
Он капелька солнца,
Весеннего солнца,
Которое Ленин зажжёт.

Ноты см. на стр. 32

ОПАСНЫЙ СУП

А. МИТЯЕВ

Случай с поваром Никитой Головым случился в ту пору, когда фашисты отступали по всему фронту. Уже отгремела знаменитая Сталинградская битва. И знаменитая Курская битва тоже. Захватчики, хотя и сопротивлялись изо всех сил, катились и катились к своей Германии. Они были всё ещё опасны, но гонор и спесь сошли с них, как шелуха с молодой картошки. В их мрачных душах поселился страх, а самым заветным желанием стало желание благополучно унести ноги восвояси.

В то время солдат Голов был поваром в дивизионе зенитных орудий. В повара он попал случайно. Его, ловкого человека, попросили до прибытия специалиста варить солдатам еду. Голов согласился. Не сидеть же артиллеристам на хлебе и воде. Но поскольку у нового кулинара к назначенному часу при любых обстоятельствах всё бывало готово, командир дивизиона оставил его в поварях.

Сначала Голов рассердился. Потом, поразмыслив, решил не возражать. Надо признаться, думал он и о том, что у кухни спокойнее, чем у орудия. Когда фашистские самолёты бомбят зенитные батареи, поливают их очередями из крупнокалиберных пулемётов, все артиллеристы на своих местах. Они, открытые бомбам и пулям, стараются сбить атакующий самолёт. А повар в такие минуты может сидеть в ровике у кухни. Ровик глубокий, узкий, опасно лишь прямое попадание бомбы, что бывает очень и очень редко.

Однако поварская должность не изменила характер Голова. Он по-прежнему был боевым солдатом. Карабин, смазанный тонким слоем веретённого масла, всегда был готов к стрельбе. В железном шкафчике кухни хранился запас патронов, в том числе бронебойных и зажигательных. Там лежал пяток гранат. Был и приличный запас тола. Впрочем, тол нужен был Голову не для подрыва чего-либо. В ненастные, дождливые дни, когда не найти сухой ветки, сухой щепки, повар разжигал толлом кухню. Тол взрывается от детонации, при взрыве специального запала, а подожжённый спичкой, горит спокойно. Оплавляясь и растекаясь по дровам, зажигает их.

Артиллеристы подсмеивались над поварским арсеналом. Ведь часто бывает, что самый трусливый человек больше других говорит о храбрости и увещивает себя различным ненужным оружием.

— Слушай, Никита! Ты не перепутай картошку с гранатами! — шутили зенитчики. А один приклеил на дерево, под которым стояла кухня, такое меню:

«Сегодня:

первое блюдо — суп картофельный с трассирующими пулями;

второе блюдо — лапшевник из бикфордова шнура».

Голов к шуткам относился спокойно. Меню ему даже понравилось. Он аккуратно отлепил его, сложил и спрятал в карман гимнастёрки — на память о фронтовых друзьях. Разливая в тот день суп по котелкам, он благодушно балагурил с артиллеристами:

— Вам что ни свари, вы всё slope! Вас фугаской жареной на вертеле не испугаешь. Но я-то знаю, чего вы боитесь. Вот оставлю как-нибудь без обеда, вы и кончите свои глупые шуточки.

Говоря эти слова, повар Никита Голов, конечно, не знал, что уже на следующий день осуществит свою угрозу. Правда, вынудят его к этому обстоятельства более значительные, чем шуточки товарищей.

Рис. В. ЛОСИНА

Утром нового дня дивизиону было приказано переместиться километров на двадцать западнее — к мосту у пересечения железной дороги с дорогой шоссейной. Мост наши стрелки отбили у фашистов ночной атакой. Фашисты бежали, не успев взорвать его. Несомненно, враг постарается разбомбить мост, тогда прервётся движение и по шоссе, и по железной дороге. На охрану такого важного объекта и посылали теперь дивизион.

Никита Голов, накормив солдат ранним завтраком, пожелал им счастливого пути, а сам с шофёром крытого грузовика остался на месте. Он должен был сварить здесь обед и доставить его к 12.00 на новые позиции. Здесь были в избытке дрова, а главное, был в окрестности колодец с чистой родниковой водой.

Грузовик с кухней на прицепе выехал с обжитого места в начале двенадцатого. Ехать недалеко. Всё время по шоссе. Суп из перловых круп тряски не боится. Да и дорога нетряская, асфальт. В кухонной печке полно горячих углей, так что обед прибудет в готовности — только подставляй под черпак котелки.

Обо всём этом подумал в начале пути повар Голов. Потом он думал о том, что воевать теперь гораздо легче, чем в сорок первом году. Вот идёт справа от дороги на небольшой высоте шестёрка штурмовиков. А высоко кружит звено истребителей. Это всё наши самолёты, советские. У врага самолётов теперь меньше. Куда полетели штурмовики? Верно, увидели фашистов. Сейчас начнут бить из маленьких «катюш», что под крыльями, из пушек и пулемётов, ещё и бомбами попотчуют... Сверху лётчикам видно, что происходит на земле, где наши, а где фашисты. А вот тому, кто на земле, трудно понять, где свои, где противник. Уже месяц как фашисты — многие, многие тысячи — окружены на большом пространстве среди полей, болот и лесов. Они пытаются вырваться из кольца. Бросаются то на запад, то на юг, то на север. А наши нигде не пуска-

ют. Уничтожают, берут в плен. В самом кольце тоже идут беспощадные бои...

Солнце, стоявшее в безоблачном небе, раскалило воздух. Никиту Голова жара разморила. Встал-то он ведь очень рано, начал готовить завтрак ещё до рассвета. Глазами, которые закрывались в сладкой дреме, он смотрел на шоссе. Оно круто спускалось в низину, чтобы потом так же круто подняться на холм. Грузовик весело катил под гору. Голов представил, как захватит у него дух, когда машина, закончив спуск, вылетит на подъём, и улыбнулся — как всё же хорошо идут дела и у него, солдата-повара, и у всех солдат Советской Армии.

И только он это подумал, и только грузовик с кухней достиг нижней точки спуска, как из густых кустов ольховника, росших за обочиной, ударил очередью пулемёт. Вторая очередь простучала глуше — били вдогон.

Шофёр выжимал из мотора все силы. Грузовик словно летел в гору. Никита Голов высунулся из кабины и увидел фашистов. С автоматами, с ручными пулемётами они шеренгами выходили из кустов и бегом пересекали шоссе. Какая-то вражеская часть то ли уходила от преследования, то ли рассчитывала в этом направлении выбраться из окружения.

Влетев на вершушку холма и чуть спустившись по новому спуску, грузовик и кухня, шофёр и повар оказались в безопасности. Взгорок закрыл их от фашистских пуль.

— Стой! — сказал Голов. — Я посмотрю, что делается внизу.

Фашисты всё бежали и бежали через шоссе. Их было много. А наших — два бойца. И, как на грех, шоссе, по которому часто катили и танки, и пушки, и «катюши», и пехота в грузовиках, в эти минуты было пустынно.

Солдат Голов хорошо помнил главное военное правило: не делать такого, что понравилось бы врагу, а делать только то, что врагу не понравится. Главное военное правило в этом случае давало

совершенно определённый совет: воспретить фашистам переход через шоссе.

Сердце Никиты Голова билось тревожно и азартно. Пронеслась мысль: стрелять по фашистам из карабина. Тут же пронеслась ещё мысль: после первых выстрелов автоматчики врага побегут кустами на подъём, и придётся снова удирать, рискуя автомашиной, кухней, жизнью друга-шофёра и своей собственной жизнью. Платить такую цену за два-три удачных выстрела не было смысла.

Никита Голова ещё раз посмотрел, как фашисты валом валят через дорогу, и пошёл к своему грузовику. От кухни по жаркому воздуху распространялся аромат свиной тушёнки, смешанный с угарным запахом залитых углей. Та, вторая пулемётная очередь, посланная вдогон, изрешетила кухню. Белёсый бульон с разваренными зёрнами перловой крупы струйками стекал с днища кухни на асфальт. «Через полчаса обед. Чем ребят кормить буду?» — подумал повар. И тут он совершенно спокойно, ничуть не сомневаясь в правильности решения, открыл железный шкафчик

кухни, вставил в толовую шашку запал, зажёл спичкой бикфордов шнур и закрыл шкафчик на обе защёлки. Вдвоём с шофёром они отцепили кухню от грузовика. Напрягаясь, упираясь сапогами в мягкий асфальт, покатали её на пригорок. Затем, придавая кухне правильное направление, нацеливая её на врагов, разогнали и пустили вниз с крутой горы.

Надо было бы немедленно уезжать. Но повар хотел своими глазами видеть, как сработает его сухопутная торпеда.

— Погоди минуту, — сказал он шофёру. — Погляжу из кустов...

— Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Внимание! — закричал немецкий ефрейтор, первым увидевший опасность. — Цурюк! Назад!

— Вас ист лёс? Вас ист дас! Что случилось? Что это такое? — спрашивали друг друга фашисты, отпрянув с шоссе на обочину.

Кухня с ветром пронеслась перед их оторопелой толпой. Миновав нижнюю точку спуска, она, повинаясь инерции, покатила вверх.

— Дас ист фельдкюхе! Это полевая

